

«ОДНОДНЕВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ИСТОРИОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОЗЕ Е. ЗАМЯТИНА И МОНОГРАФИИ Л. В. ПОЛЯКОВОЙ

П. А. Гончаров

Мичуринский государственный аграрный университет

Поступила в редакцию 12 октября 2022 г.

Аннотация: в статье исследуются эффекты, создаваемые в прозе Е. Замятина с помощью своеобразной игры словом, его смыслами. Красный флаг, революция, марксизм приобретают в художественных произведениях писателя связанные с политикой, но неожиданные, далекие от политической конъюнктуры 1920-х годов смыслы, придавая замятинской прозе «еретическое» для той эпохи историософское звучание.

Ключевые слова: Е. Замятин, роман «Мы», историософия, «последняя революция», Л. Троцкий, И. Сталин, Л. Полякова, проза.

Abstract: the article examines the effects created in E. Zamyatin's prose with the help of a kind of word play, its meanings. The Red flag, the revolution, and Marxism acquire meanings in the writer's works of fiction related to politics, but unexpected, far from the political conjuncture of the 1920s, giving Zamyatin's prose a "heretical" historiographical sound for that era.

Keywords: E. Zamyatin, the novel "We", historiography, "The Last revolution", L. Trotsky, I. Stalin, L. Polyakova, prose.

В «Автобиографии» 1931 года, вспоминая о годах детства и юности, Е. Замятин размышлял: «Да полно: было ли все это? Так это далеко — на целые века — от нынешнего, что не веришь и сам. И все же знаю, что было, и было всего лет сорок назад. Это тамбовская Лебедянь, та самая, о которой писали Толстой и Тургенев и с которой связаны мои детские годы.

Дальше — Воронеж, серая, как гимназическое сукно, гимназия. Изредка в сером — чудесный красный флаг, вывешенный на пожарной каланче и символизирующий не социальную революцию, а мороз в 20⁰ — и отмену занятий. Впрочем, это и была *однодневная революция*¹ в скучной, разграфленной гимназической жизни» [1, т. 3. с. 3].

Обратим внимание на три чрезвычайно важные для нашей темы вещи: прозаик отмечает принципиальное различие эпох, отделенных друг от друга лишь четырьмя десятилетиями, радикально изменившуюся символику «красного флага» и почти «бытовое» наполнение понятия «революция». В контексте творчества писателя, образности романа «Мы» различия эпох вызваны близящейся победой «города» в «Великой двухсотлетней войне» с «деревней», с вытеснением парадигмы цивилизации традиционной, аграрной. Изменение символики «красного флага» — от локального сигнала опасности к символу всемирной «социальной революции» — оказывается производной от смены цивилизаций. Но

вое смысловое наполнение понятия «революция» становится по сути не чем иным, как возвращением ему изначального значения, противоположного понятию «эволюция».

Заметим и другое, «еретическое»: политический символ предстает в замятинской «Автобиографии» деталью своеобразной «игры», когда один предмет оказывается заменой функции другого, а разные феномены именуется одним словом.

При этом, как результат игры, политический символ, политическое понятие («красный флаг», «революция») теряют свойства сакральности, характерные для советских десятилетий истории России. Здесь возникает закономерный вопрос: является ли эта «игра» единственной случайностью, какова её функция, какой результат, эффект привносит она в идеосферу и поэтику замятинской прозы? В попытке ответить на первую часть вопроса отметим, что «игрой в четырех действиях» Замятин называет «Блоху» — сценическую интерпретацию повести Н. Лескова «Левша». Мотив игры, как элемент сюжета, значителен в повести «Уездное», где Барыба за вознаграждение играет роль «честного свидетеля» преступлений. В романе «Мы» I-330 играет в «Древнем Доме» роль соблазнительной женщины из минувшей и отвергнутой Единим Государством эпохи. Играет роль диковинного гостя персонаж пьесы на тему нравов 1920-х годов «Африканский гость». Но еще большее распространение в прозе Е. Замятина, тяготеющей к сатире, имеет игра словом, игра, далеко не всегда сводимая к каламбуру. Что касается функции подобной «игры», то вполне очевидно, что в отмеченных

¹ Здесь и далее курсив наш. — П. Г.

и других произведениях Замятина с помощью этой своеобразной «игры» происходит десакрализация, развенчание некогда (в разное время и в разной степени) сакральных, едва ли не священных (для читателя и автора) понятий: «красный флаг», «марксизм», «царь», «граф», «суд», «государство», «благодетель», «революция», «империализм», «дьякон», «африканский гость» и т.п.

Так, в замятинском рассказе «Икс» (1926) бывший дьякон Индикоплев после лекции «заезжего москвича о марксизме», на фоне объявленного «клубного доклада» «Планета Маркс и ее обитатели» к удовольствию местных большевиков «раскаивается». Однако причиной его «раскаяния» «был не марксизм, а марфизм» — любовное увлечение «родоначальницей этого внеклассового учения» — по-кустоидиевски «богатой и спелой» Марфой [1, т. 2, с. 98–99]. Актуальный в 1920-е годы политический термин «марксизм» оказывается в данном эпизоде и рассказе в целом частью каламбура, еретически смелой в те годы игры созвучных слов: Маркс — Марс — Марфа — марксизм — марфизм.

В этой связи вызывает недоумение настойчивое «отделение» идеосферы замятинских произведений от «политики», характерное для фундаментальной монографии Л. В. Поляковой. Вслед за Д. П. Святополк-Мирским авторитетный замятиновед отрицает «тесную связь с политикой» русской литературы в целом и Е. Замятина в частности [2, 186]. Среди доказательств этой мысли следующее представляется в качестве главного: «<...> упоминания Замятина о коммунизме эпизодичны». Но далее следует положение, которое частично совпадает и с нашей задачей: «<...> в проблеме отношения художника к революции разобратся надо <...>. Размышления Замятина о роли революции проходят через всё его творчество, волнуют и становятся составной, а может, основной частью его мировоззрения» [2, 346].

Видимо, уважаемый современный литературовед вопреки вещам очевидным пытается этими суждениями оградить прозу Е. Замятина от параллелей с острыми политическими интригами 1910–1930-х годов ради акцентирования её историсофского звучания. Но здесь, на наш взгляд, более уместно иное истолкование: Замятин переводит, переносит политические символы, исторические понятия, философские идеи и теории в разряд лишенных сакральности, делает их предметом логического, иногда обыденного размышления, возвращая им реальный (в противоположность сакральному) смысл, отличающийся от устоявшегося в круговороте общественных идей 1920-х годов.

Несколько иная позиция, в сравнении с подходом Л. В. Поляковой, имеет место монографии Т. Т. Давыдовой [3]. В монографии политической проблематике прозы Е. Замятина посвящен отдельный раздел, который называется: «Этические и политические

проблемы в рассказах Замятина. Формы художественного обобщения, жанрово-стилевые искания» [3, 167–189]. Но и она связывает «гонения» на Е. Замятина конца 20-х годов прежде всего с печатанием в пражском журнале «Воля России» в 1927 году романа «Мы», но в еще большей степени — с «чисткой» «всероссийского союза писателей» [3, 59]. Политическая подоплека романа, его «переключки» с событиями в России второй половины 1920-х годов остаются в целом вне поля зрения и этого замятиноведа.

При различных подходах и Л. В. Полякова, и Т. Т. Давыдова проходят мимо факта явного созвучия размышлений героев романа «Мы» о «последней революции» и политической борьбы в России 1910–1920-х годов вокруг идеи «перманентной революции». Л. В. Полякова широко цитирует работы Л. Троцкого о литературе 1920-х годов, но об аллюзиях на идею «перманентной революции» в логических рассуждениях героев романа «Мы» о «последней революции» (хотя эпизод из романа на эту тему цитируется литературоведом многократно), к сожалению, не пишет. Как нам представляется, позиция Е. Замятина не есть «тесная связь с политикой», а позиция «над политикой» — когда политические образы, понятия, термины, связанные с политикой, во многом «отрываются» писателем от «злобы дня», становясь частью выразительных, ярких литературных образов, частью их композиции, элементами сюжета.

Причем Е. Замятин поступает принципиально аналогичным образом не только по отношению к современному ему политическим событиям (революции, гражданская война), но и к событиям давней политической истории. В чем причина гибели Римской империи? Исчерпанность резервов новых завоеваний? Кризис рабовладельческого строя, как объясняли марксистские историки? Только жестокие удары варваров — скифов, гуннов? Чтобы показать истоки гибели Рима и в драме «Атилла», и в незаконченном романе «Бич божий», писатель в качестве главной причины изображает неумение и нежелание варваров (скифов, гуннов) лгать. Желание наказать ложь и производные от неё (обман, лесть, предательство, лень, разврат, кровосмешение и т.п.) оказываются по Замятину главной причиной гибели цивилизации Рима. Политическое, глобально-историческое изображается и подвергается осмыслению через бытовое, этическое, нравственное, а художник оказывается в позиции «над политикой».

Значительный элемент своеобразной уже политической и одновременно логической игры (одно вместо другого) может быть выделен и в композиционной структуре романа «Мы». Д-503 под воздействием I-330 размышляет о «последнем числе», имея в виду «последнюю революцию». Благодаря этой игре он понимает, что в соответствии с рациональной логикой и революция не может быть последней: « — Милый мой: ты — математик. Даже больше:

ты философ — от математики. Так вот: назови мне последнее число.

— То есть? Я... не понимаю: какое — последнее?

— Ну — последнее, верхнее, самое большое.

— Но I — это же нелепо. Раз число чисел — бесконечно, какое же ты хочешь последнее?

— А какую же ты хочешь последнюю революцию? Последней — нет, революции — бесконечны. Последняя — это для детей: детей бесконечность пугает» [1, т. 2, с. 328]. — Отрицательный ответ на первый вопрос I-330 оказывается в соответствии с рациональной логикой отрицательным ответом на вопрос второй.

Заметим здесь, что эти сугубо теоретические размышления вносили в роман идеи, вполне «простибельные» для 1920–1922 годов (время завершения работы над романом), но еретически опасные для конца 20 — начала 30-х годов. Политическая борьба за власть между группой Л. Троцкого и группой И. Сталина во второй половине 1920 — начале 30-х годов, как известно, достигла особого накала. Л. Троцкий еще в разгар первой русской революции выступил сторонником восходящей к «Манифесту коммунистической партии» К. Маркса идеи «перманентной революции», означавшей «непрерывность» начавшейся буржуазно-демократической революции в России и её перерастание в революцию социалистическую.

В написанной к 1930 году теоретической работе Л. Троцкий утверждал: «Перманентная революция, в том смысле, какой Маркс дал этому понятию, значит революция, не мирящаяся ни с одной из форм классового господства, <...> которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества» [4, 12–13]. В этой цитате специально опущена, вероятно, главная, с точки зрения политологии и философии истории, часть определения перманентной революции и сохранена часть заключительная, передающая лишнюю тени сомнения уверенность Троцкого в том, что революция «*может закончиться*».

Уверенность в том, что начавшаяся социалистическая революция будет «последней» — общее место всего общественного дискурса «эпохи войн и революций». Ставший гимном Советской России «Интернационал» Э. Потье предвещал однозначно: «Это будет *последний* / И решительный бой...» (перевод А. Я. Коца). Но Е. Замятин начинает как раз там, где теоретики, практики и певцы русской и мировой революции заканчивают. Его герои уверены в том, что революция «не может быть *последней*». В практической плоскости этот теоретический вывод подтверждается изображаемой в романе «Мы» попыткой «мефи» освободиться от власти Благодетеля, от доминирования во всех сферах жизни математической логики Единого Государства, то есть попыткой революции.

В качестве проекции этой абстракции на рубеже 1920–1930-х годов могла быть воспринята политическая борьба в ВКП(б) этого периода, а автор по-

добной абстракции вполне мог оказаться в пределах действия «Машины Благодетеля», превращающей единичных «врагов счастья» в ничто ради благоденствия абсолютного большинства «нумеров». Начало этого процесса вряд ли лишь «совпадает» по времени с фактом, получившим отражение в партийных решениях 1927 года: «XV съезд одобрил постановление ЦК и ЦКК об исключении из партии главарей антипартийной оппозиции Троцкого и Зиновьева» [5, 371–372]. Стилистика решения (*главари*) обещала его фигурантам лишь «Стеклоанный Куб» и «аннигиляцию». Естественно, что буквальное истолкование литературного произведения, его исторического контекста есть низведение художественного творения в разряд политической прокламации. Как естественно и то, что Замятин и его роман не были застрахованы и от такой распространенной в ту эпоху «интерпретации».

Расхождения (минимальные) ленинского и троцкистского толкования «перманентной революции» превратились для группы И. Сталина в удобный повод для уничтожающей критики Л. Троцкого. Причем вопрос этот оказался для И. Сталина настолько важным, что он включил отдельной главой критику «перманентной революции» Л. Троцкого в работу «Вопросы ленинизма», вышедшую в свет более двенадцати лет спустя уже после «ликвидации» Л. Троцкого — в 1953 году. В этой работе утверждается: «“Перманентная революция” Троцкого есть отрицание ленинской теории пролетарской революции, и наоборот — ленинская теория пролетарской революции есть отрицание теории “перманентной революции”» [6, 94]. Правда, далее в той же работе звучит тезис, который может быть истолкован в качестве логически противоречащего тезису первому: «Следует помнить, что идея перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, данная Лениным еще в 1905 году, есть одна из форм воплощения Марксовской теории “перманентной революции”» [6, 113]. Не вдаваясь в тонкости политической конъюнктуры, связанной с борьбой за право быть единственно законным наследником ушедшего вождя «пролетарской революции», заметим, что не логика доказательств, вероятно, была главной целью И. Сталина.

Правда, ни К. Маркс, ни его ревнивые последователи не ставили в своих работах даже и вопроса о возможности и необходимости каких-либо революций *после* победы революции «пролетарской», «социалистической». Они, подобно сторонникам «Единого Государства», считают эту революцию «последней». «Вместо» классиков марксизма вопрос о «последней революции» ставит Е. Замятин и герои его романа «Мы».

Заметим, кстати, что среди синонимов слова «перманентный» в числе прочих («непрерывный», «постоянный», «продолжающийся» и т.п.) значатся

«бесконечный» и «нескончаемый», которые явно противоположны по смыслу понятию «последний» [7]. Сталину, окружающему его правоверному синедриону в рассуждениях замятинских героев о «последней революции» вполне могли послышаться «троцкистские» идеи революции «перманентной», направленной уже против самого «благодетеля».

Итак, «перевод», перенесение вопроса о «последней революции» из области политической в область логическую стал для марксиста, советского писателя Е. Замятина вольностью, словесной игрой, позволительной для начала 1920-х годов, и непозволительным политическим «выпадом» для конца 1920–1930-х годов. В условиях острой политической борьбы идея «перманентной» революции, отстаиваемая Л. Троцким, была интерпретирована И. Сталиным как враждебная. В ортодоксальной «Истории КПСС» находим: «В борьбе против троцкизма большую роль сыграла работа И. В. Сталина “Троцкизм или ленинизм?”. В ней защищалась ленинская теория пролетарской революции и разоблачалась антимарксистская “перманентная революция” Троцкого» [8, 345].

В этом смысле отрицание «последней революции» героями Е. Замятина могло получить на рубеже 1920–1930-х годов актуальную проекцию в виде «троцкистской» идеи революции «перманентной». Абсолютно справедливо Л. В. Полякова в своей монографии упоминает об обвинениях в «троцкизме», выдвинутых против доброжелателя и тамбовского земляка Е. Замятина — А. К. Воронского. Но ещё больше «шансов» получить подобные обвинения оказывалось у автора романа «Мы». Отъезд Замятина из России в этой ситуации оказывался и желательным, и во многом спасительным для автора романа о Едином Государстве, борющемся с крамольниками «мефи», проповедующими идею «бесконечной» революции.

Правда, и адепты «Единого Государства» оказываются в романе не только бывшими, но и реальными, действующими революционерами: построенный ими «Интеграл» должен принести счастье единомыслия всем жителям вселенной, в том числе и тем, кто на Земле обитает за «Зеленой Стеной». Что это, если не «революция», не «экспорт революции»? Идея «последнего и решительного боя», «последней революции» вытесняется в романе далеко не радужной, политически опасной для автора романа мыслью о бесконечности революций вообще,

мыслью, отрицающей саму возможность «последнего боя». Не стоит забывать, что «Мы» является сатирическим произведением, а в произведениях такого рода, как утверждал М. М. Бахтин по поводу сатиры Франсуа Рабле, «игра отрицанием рассеяна по всему роману» [9, 459].

Перевод, перенесение понятия «революции» из области политики, политической истории в быденную сферу, в область рациональной логики, в том числе и с помощью словесной игры, стал для Е. Замятина и способом её историософского осмысления, и инструментом десакрализации реального исторического опыта России и Европы. Позволил писателю и его героям еретически усомниться в безусловной правоте, незыблемости и благе идей социальной революции, воспринимаемой в тот период как безрелигиозный Армагеддон, Апокалипсис, страшный суд и окончание социальной истории. Такая трансформация политических образов и понятий в прозе Е. Замятина оказывается логически убедительным основанием его историософии и выразительным свойством его поэтики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Замятин Е. И. Собрание сочинений: В 5 т. / Е. И. Замятин. — М.: Русская книга, 2003–2004.
2. Полякова Л. В. Проза Е. И. Замятина: историософские искания художника: монография / Л. В. Полякова. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. — 748 с.
3. Давыдова Т. Т. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века: монография / Т. Т. Давыдова. — М. — Берлин, 2021. — 359 с.
4. Троцкий Л. Перманентная революция / Л. Троцкий. — Берлин: Гранит, 1930. — 169 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов (1898–1986) / Под общей редакцией А. Г. Егорова и К. М. Боголюбова. Т. 4. 1926–1929. — М.: Политиздат, 1984. — 575 с.
6. Сталин И. Вопросы ленинизма / И. Сталин. — М.: Госуд. изд-во политической литературы, 1953. — 651 с.
7. Словарь синонимов русского языка. — Режим доступа: <https://sinonim.org/s/перманентный#f> (дата обращения: 01.11.2022).
8. Пономарёв Б. Н. История Коммунистической партии Советского Союза. Учебник для вузов / Б. Н. Пономарёв, М. С. Болим, В. С. Зайцев. — М.: Политиздат, 1976. — 782 с.
9. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса / М. М. Бахтин. — М.: Худож. лит., 1990. — 543 с.

*Мичуринский государственный аграрный университет
Гончаров П. А., доктор филологических наук; профессор
кафедры социально-гуманитарных дисциплин Социально-педагогического института.*

E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

*Michurinsk State Agrarian University
Goncharov P. A., Doctor of Philology; Professor at the
Department of Social and Humanitarian disciplines, Social and
Pedagogical Institute.*

E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru